

Op63.3
065

Оренбургский
губернатор

Василий Алексеевич
ПЕРОВСКИЙ

орб3.3

0-65

орб3.347

63.3(2Рос-40р)

+орд

0-25-25-25

Оренбургский
губернатор

Василий Алексеевич ПЕРОВСКИЙ

• Документы • Письма • Воспоминания •

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1999

Оренбургская областная научная
Библиотека им. Ч. К. Крушовой

ВВЕДЕНИЕ

Имя В.А. Перовского известно в истории России: он был выдающимся военачальником (под его командованием было организовано два военных похода в Среднюю Азию – Хивинский и Кокандский, начался процесс присоединения Средней Азии к России), крупным государственным деятелем (более пятнадцати лет управлял огромным Оренбургским краем).

Сохранившееся мемуарное и эпистолярное наследие дает представление о В. А. Перовском как о незаурядной, богато одаренной личности.

В предлагаемой читателю книге рассмотрение характера Перовского, его взглядов, его отношений с вышестоящими и подчиненными, с друзьями и близкими ведется через призму официальных писем, распоряжений, приказов, писем и воспоминаний самого героя, его друзей и родственников. Такие документы обладают неоценимым качеством – приближают нас к отраженному времени, создают ощущение личного погружения в ту эпоху с ее государственными, историческими событиями, помогают понять интересы, почувствовать переживания людей другой эпохи, позволяют вынести объективную оценку фактам, сопоставив точки зрения ряда современников Перовского.

Закономерно особое внимание, уделяемое в книге оренбургскому материалу – документам и воспоминаниям.

нениям о двух оренбургских периодах губернаторства Перовского: это объясняется не только тем, что составители книги - оренбуржцы, а главное тем, что именно пятнадцатилетняя деятельность Перовского в Оренбургском крае принесла ему (Перовскому) славу как военному и государственному деятелю.

В книге приводится много воспоминаний, писем известных русских писателей, бывавших в Оренбургском крае (А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, В.И. Даля, А.Н. Плещеева) и не посещавших его, но каким-то образом связанных с именем Перовского (М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева). Вот, например, для Н.В. Гоголя очень важно было мнение Перовского о его книге «Выбранные места из переписки с друзьями». В письме к А. О. Россету Гоголь писал: «Попросите у Василия Алексеевича Перовского (которому передайте самый душевный мой поклон) написать пять-шесть его собственных строчек. Скажите ему, что его замечания мне будут очень полезны, и я ими весьма дорожу.» Перовский упоминается во многих письмах Н.В. Гоголя к П.А. Вяземскому, П.А. Плетневу и другим, где подчеркивается «добрая душа» Перовского, «доброе расположение» его к Гоголю.

Считается, что конец XVIII – начало XIX века – эпоха, пронизанная молодостью, самоотверженностью, инициативой. Люди этой эпохи преданы идее гражданского служения, их думы и дела направлены на благо России. Важный факт биографии многих из них – участие в войнах, в освоении новых земель, служба в государственных учреждениях. Данные исследователей говорят о том, что среди знакомых Пушкина не было ни одного не служащего, не имеющего чина дворянина.

Рассматривая тип личности, порожденный этой эпохой, известный литературовед Ю. М. Лотман отмечал «высокую знаковую (картинность, театральность, литературность)» каждодневного поведения дворян этого времени, сочетавшуюся с простотой и искренностью, – поведения, ориентированного не столько на природу, сколько на культуру.

Выделяя как основную черту этой эпохи проникновение искусства в быт, Ю. М. Лотман подчеркивал: «...только на фоне мощного вторжения поэзии в жизнь русского дворянства начала XIX века понятно и объяснимо колоссальное явление Пушкина».¹

Личность В. А. Перовского является ярким доказательством этого утверждения.

Прежде всего следует отметить недюжинный литературный дар самого Перовского, о чем свидетельствуют его мемуары, путевые заметки, письма. Его записки о пребывании в плену у французов были напечатаны П. И. Бартеневым. Письма из Италии В. А. Перовского поэту В. А. Жуковскому последний опубликовал без ведома автора, высоко оценив их литературную ценность.

Члены семьи Перовских оставили значительный след в русской литературе. Алексей Перовский (литературный псевдоним – Антоний Погорельский), родной брат В. А. Перовского, известен как прозаик, автор сказки «Черная курица, или Подземные жители», романа «Монастырка», книги «Двойник». Литературоведы считают, что сказочно-фантастическая повесть А. Погорельского «Лафертовская маковница» предваряла прозу А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

А. К. Толстой, поэт, многие стихи которого положены на музыку (романсы П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, А. Г. Рубинштейна и др.), драматург, прозаик, автор «Князя Серебряного», сатирической «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева», – племянник В. А. Перовского, сын сестры Анны. Одно из первых произведений начинающего писателя – очерк «Два дня в киргизской степи» – было написано под впечатлением поездки А. К. Толстого в Оренбургский край к своему заболевшему дяде В. А. Перовскому.

Племянниками Перовского (детьми сестры Ольги) были братья Жемчужниковы, вместе с А. К. Толстым создавшие комическую литературную маску Козьмы Пруtkова, афоризмы которого известны каждому русскому человеку.

Близким другом В. А. Перовского был знаменитый поэт В. А. Жуковский. Их переписка представляет собой удивительный документ человеческих отношений, трогательной дружбы, длившейся более тридцати лет. Жуковский оставался преданным другом Перовского до конца своей жизни и, «уже будучи почти слепым, написал ему ощупью, по подкладываемой под руку линейке, последнее письмо из Бадена, полное любви и заботы о своем далеком друге». Письма Жуковского были сохранены приехавшими к умирающему в Крыму Перовскому его братом Борисом Алексеевичем и графиней А. А. Толстой, теткой Л. Н. Толстого.

Будучи выдающимся государственным деятелем, военачальником, В. А. Перовский умел подбирать подчиненных среди умных, талантливых людей, знающих свое дело, обладающих эрудицией, широтой кругозора. Перовскому удавалось вовлекать в круг своей общественной и просветительской деятельности видных ученых, путешественников, дипломатов, художников, писателей (Н. В. и Я. В. Ханыховых, Г. С. Карелина, И. Ф. Бларамберга, А. И. Лемана, Я. В. Виткевича, А. П. Брюллова, В. И. Даля, В. В. Григорьева и многих других), которые нередко становились его преданнейшими друзьями. Поражает размах и тщательно продуманная организация этой деятельности. Даже его военным походам обычно сопутствовали научные изыскания, натуралистические наблюдения.

В Хивинском походе вместе с В. Перовским были писатели-ученые В. Даль, Е. Ковалевский, ученые А. Леман, Н. Ханыхов и др. Участники Кокандского похода и подготовки его – известный востоковед и филолог В. В. Григорьев, исследователь Аральского моря, контр-адмирал А. И. Бутаков, путешественник, военный инженер, топограф И. Ф. Бларамберг, востоковед В. В. Вельяминов-Зернов, географ и историк А. И. Макшеев и др.

В период второго губернаторства в Оренбургском крае служебные отношения связывали В. А. Перовского с писателями М. Л. Михайловым, сосланным в Оренбургье А. Н. Плещеевым, под его началом служил его пле-

мянник, ставший впоследствии известным поэтом, Александр Жемчужников.

Личность Перовского привлекала художников (К. и А. Брюлловых, О. А. Кипренского, А. Ф. Чернышева и др.), волновала воображение писателей, о чем свидетельствует, например, переписка А. А. Толстой с Л. Н. Толстым, просившим разрешения познакомиться с архивом умершего Перовского. Очевидно, результатом этого знакомства явились некоторые страницы романа «Война и мир»: о Пьере Безухове в плену (по запискам Перовского, находившегося в плену у французов), о Пьере Безухове у постели умирающего отца (явно по пространному письму В. Перовского к Жуковскому о поездке А. Перовского к умирающему отцу и о сложных отношениях «законных» детей А. К. Разумовского и внебрачных – Перовских), о ранении Андрея Болконского, напоминающем историю ранения В. А. Перовского. О В. Перовском и его времени Л. Толстой собирался написать отдельный роман, сохранились отрывки, в которых, как предполагают исследователи, под именем Щетинина изображен В. А. Перовский.

Перовский как оренбургский губернатор упоминается в рассказе В. И. Даля «Охота на волков», в повести Л. Н. Толстого «За что?», в повести С. И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов», в книге В. П. Правдухина «По излучинам Урала» и других произведениях. О войне 1812 года и В. Перовском написан роман Г. П. Данилевского «Сожженная Москва». Деятельности В. А. Перовского посвящены работы литераторов-краеведов И. Н. Захарьина (Якунина), П. Л. Юдина, А. Е. Алекторова.

Личность В. А. Перовского привлекает и писателей второй половины XX века, о чем говорят роман Н. Анова «Ак-Мечеть», повесть Ю. Семенова «Дипломатический агент», новелла В. Пикуля «Хива, отвори ворота».

Современник А. С. Пушкина, примечательная фигура российской действительности первой половины XIX века, В. А. Перовский интересен не только как исторический деятель, но и как личность с удивительно ярко выраженными человеческими достоинствами.

Память о В. А. Перовском хранят многие документы Государственного архива Оренбургской области, в большинстве своем не переиздававшиеся после 1917 года. Краеведы, которые их обнаружили, впервые знакомят читателей с этими интересными материалами – ценнейшими памятниками оренбургской старины. В некоторых случаях предлагаются письма и воспоминания об одних и тех же фактах в интерпретации разных авторов. Кроме того, составители посчитали необходимым познакомить читателей с различными мифами и легендами о В. А. Перовском и его оренбургском губернаторстве, которые тоже в определенной мере характеризуют Перовского и свидетельствуют о неиссякающем интересе к этой замечательной личности.

Предлагая документы и воспоминания, написанные о В. А. Перовском, составители старались сохранить неповторимый стиль и колорит эпохи XIX века.

Глава I

СЕМЬЯ ПЕРОВСКИХ

Василий Алексеевич Перовский был одним из детей графа Алексея Кирилловича Разумовского, сына видного деятеля Елизаветинской эпохи Кирилла Григорьевича Разумовского.

В книге Л. Майкова «Пушкин. Биографические материалы. Историко-биографические очерки»,¹ вышедшей в свет к столетию со дня рождения поэта, в очерке о дочери Кирилла Григорьевича Разумовского *Наталье Кирилловне Загряжской (1747–1837)*, дальней родственнице Н. Н. Пушкиной, читаем о роде Разумовских:

«... Сын реестрового казака Козелецкого повета Григория Розума Алексей в начале 30-х годов прошлого века был взят с родины в придворные певчие и вскоре вошел в милость цесаревны Елизаветы Петровны. Когда она стала императрицей, А. Г. Разумовский получил первенствующее значение при дворе и, если верить преданию, был даже обвенчан с государынею. После того, в 1742 году, он выписал из Малороссии своего младшего брата, четырнадцатилетнего Кирилла. Ему дали образование, для чего он был отправлен на два года за границу. Кирилл Григорьевич возвратился из путешествия действительно не без сведений и с хорошим знанием французского и немецкого языков. Елизавета обогатила Разумовских множеством имений, а Венский двор возвел их в достоинство графов Римской империи.

Алексей Григорьевич мало вмешивался в государственные дела, но его младшему брату, когда он приехал из Западной Европы «совершенным кавалером», открылось поприще блестящей государственной деятельности: в 1746 году он был назначен президентом Академии наук, а в 1750 возведен в гетманское достоинство. В промежуток между этими двумя назначениями состоялся брак Кирилла Григорьевича с внучатною сестрой императрицы Екатериной Ивановной Нарышкиной. Потомство от этого брака и составило род Разумовских...

Наталя Кирилловна была первенцем от брака своих родителей. Она явилась на свет 5 сентября 1747 года и трех с небольшим лет была отвезена в Глухов, где происходило в то время избрание отца ее в гетманы; в 1752 году супруги Разумовские с детьми возвратились в Петербург, и с тех пор Наталя Кирилловна прожила здесь большую часть своей жизни. Это была девочка живая и умная, любимица всей семьи. О ее воспитании и учении сохранилось мало сведений; известно однако, что к ней, как и к ее сестрам, приставлены были «мамамы» и ходили учителя. Историк семейства Разумовских утверждает, что и те, и другие приглашались Кириллом Григорьевичем «после строгого разбора». Это довольно вероятно, если принять в соображение его заботы о воспитании сыновей; однако и в этом последнем случае благие намерения гетмана осуществлялись не без затруднений. Вот что рассказывает один из учителей, преподававший молодым графам, знаменитый Шлецер: «Гетман хотел дать своим сыновьям хорошее воспитание, потому что был хороший человек и желал, чтоб они были раньше образованы, чем он. Состояния на это у него было достаточно: в то время годовые доходы гетмана оценивали в 600000 рублей. Но мамаша, как говорили, затрудняла хорошее воспитание этих подрастающих сыновей. Поэтому какой-то благоразумный человек (вероятно, Тауберт) посоветовал отцу удалить их от матери, не высылая из Петербурга». Так и было сделано: для молодых Разумовских и нескольких их однолетков устроено было на средства гетмана небольшое учебно-

воспитательное заведение, принесшее несомненную пользу своим питомцам.

Но что удалось отцу сделать для сыновей, то было, конечно, немыслимо для дочерей; они неизбежно оставались под влиянием баловницы-матери. Как она, так и отец, были до излишества снисходительны к своей любимице, графине Наталье; все ее затеи исполнялись беспрекословно, и с ранних лет у девушки, очень доброй по природе, сложился тот причудливый, упрямый и настойчивый нрав, которым она была известна впоследствии.

Приставленные к молодой графине «мадамы» были, конечно, француженки; преподавание учителей происходило также на французском языке; вследствие того она усвоила себе привычку думать и писать по-французски, а на русском изъяснялась не без труда. Пушкин, записавший несколько ее рассказов, искусно сохранил в них эту особенность ее речи. В религиозном отношении образование молодой графини было очень недостаточно и не шло дальше соблюдения постов и других внешних обрядов. Эта черта ее личности также не ускользнула от внимания ее знакомых из позднейших поколений; в памятных заметках А.О. Смирновой, относящихся уже к 30-м годам, о Наталье Кирилловне сказано: «Она еще большая вольтерьянка, хотя и бывает в церкви». Нет, однако, повода думать, чтобы вольномыслие XVIII века действительно коснулось Натальи Кирилловны; интересы отвлеченной мысли, как и изящной словесности, по-видимому, были ей совершенно чужды; по крайней мере, в воспоминаниях о ней нет на то ни малейшего намека; на старости она могла быть расположена к Пушкину, как к мужу одной из своих двоюродных внучек, и в то же время не подозревать, что ее собеседник — великий поэт, мощно двигавший сердцами и умами. Вообще говоря, не учителя, не книги, не произведения искусства и фантазия, а действительная жизнь, непрерывное обращение в сложном мире светских отношений воспитали живой и даже тонкий, но несколько холодный ум этой оригинальной женщины.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66